

Представляюсь: я — профессиональная иностранка. В моем резюме это пропечатано заглавными буквами в титульной шапке. *ИНОСТРАНКА*. Лицо без национальной и гражданской идентификации. Что отнюдь не означает отсутствие гражданской позиции. Позиция — есть, а национальная идентичность отсутствует. Говорю и думаю на различных языках — и на всех с акцентом. Акцент не только и не столько фонетический, сколько концептуальный. Так сказать, отображение мира, в котором на сегодняшний день проживаю через призму других миров, в коих довелось проживать раньше. Не сравнивая их и не отдавая предпочтение никакому. Еще есть внутренний мир, который ношу с собой, как черепаха панцирь, и туда складываю все, что попало на пути. Поэтому он настолько чудовищно загроможден хламом впечатлений, ощущений и восприятий, подобранных в разных культурах, эпохах и социальных режимах, что практически не представляется возможным навести там порядок. Так что с этим приходится жить, и этот беспорядок — можно называть его творческим, а можно, по-простому, свалкой или бардаком — иногда раздражает и приводит к нервному срыву, а иногда забавляет и доказывает всю тщетность общепринятой ло-

гики. (В Аргентине, кстати, я нашла еще больший бардак во всем: политике, экономике и человеческих отношениях, и впервые за много лет почувствовала себя дома, когда там впервые оказалась.)

Живя в США и раз в год навещаясь в родную Москву, я сильно мучилась от настоящего раздвоения личности и в целом потери идентификации. Кто я? Американка? По паспорту — да, по фамилии — тоже. Круг знакомых — американский, научилась и привыкла сначала резать мясо, а потом переключать вилку в правую руку и есть без ножа. Или все же русская? Каблуки так и не перестала носить вопреки пророчеству давно эмигрировавшего друга, который мне это святотатство предрекал. Отпускало меня только в самолете, в нейтральном воздушном пространстве. Однако сразу после посадки, меня начинало мучить огромное количество практических деталей. И так я запуталась в своей национальности и культурной принадлежности — на обоих языках говорю одинаково с восьми лет, книжки читаю строго по очереди: одну на русском, одну на английском, — что пришла мне в голову идея попробовать третью культуру... ну как платье примерить: покрутиться у зеркала и решить, идет мне или нет.

Выбор пал на Аргентину. Уж менять культуру, так менять, нечего разминиваться на полумеры типа Канады или какой-нибудь Словении. Слетав в первый раз в Буэнос-Айрес, я поняла, что выбор был сделан правильный. Ничего более не похожего на привычную и знакомую мне жизнь я представить не могла. Чувство дуальности сменило триполярное состояние, когда все три культуры: русская, американская и латинская — в частности, аргентинская — прочно укрепились во мне, договорившись мирно, кому в какие моменты давать выплескиваться,

возмущаться или радоваться. Появились три головы, которые я хранила в шкафу, как три парика на подставках, и, собирая в очередной раз чемодан, я аккуратно меняла голову на ту, в чьи края собиралась в путешествие. Сильного успокоения это не принесло в экзистенциальном вопросе: кто я? Но задавать его я стала все реже и реже. Так и живу, как трехглавый Змей Горыныч. Привыкла. Одна голова – хорошо, а три – не хуже.

Буэнос-Айрес для меня начался в аэропорту, когда вместо привычного американского, произносимого в нос «м'эм» симпатичный брюнет на паспортном контроле чувственно произнес: «Сеньорита...» — и, заглянув мне в глаза, мгновенно проник куда-то вовнутрь, как и сам город. Говорят, если при первой встрече с человеком, с городом никакой алхимии не произошло (не возникло симпатии, страсти, любви или ненависти), вряд ли возможны эти эмоции в дальнейшем. В столичном аэропорту Эзейза, примечательном лишь своим отставанием в технологии, со мной — произошло, и потом на протяжении двенадцати лет я переживала все эти фазы эмоций, причем именно в такой последовательности.

Молодой представитель иммиграционного департамента произвел на меня самое наиболее приятное впечатление, назвав «сеньоритой», а потом стал задавать обычные для любого паспортного контроля вопросы, как то: где я собираюсь остановиться, мой адрес в Буэнос-Айресе, надолго ли я приехала и с какой целью. Подобные вопросы этот парень задает сотни раз в день, всю свою рабочую неделю, но они у него звучали так, что казалось, будто он собирается попросить номер моего телефона или пригласить на чашечку кофе. При этом

он смотрел на меня с интересом, а совсем не отчужденно, строго или со скукой, как это обычно делают чиновники подобных служб во всех других аэропортах, где мне доводилось бывать раньше.

С отметкой в паспорте и ласковым напутствием «бьенвенида* , сеньорита» от жгучего брюнета я проследовала на таможенный досмотр, где другой красавчик, даже не посмотрев на мою декларацию, улыбнулся мне так интимно, показав при этом ослепительно-белые зубы под черными усами, — что я невольно улыбнулась ему в ответ и ощутила себя «сеньоритой» в полной мере, несмотря на зимнюю бледность после трех месяцев орегонских дождей, дорожные джинсы, кеды и футболку, никак не подходившие к образу креольской Ассоль в летящем платье, с длинными темными волосами и оливковой кожей — такой я представляла себе “настоящую” сеньориту по текстам и ритмам песен Леонида Агутина, Мне до нее было далеко.

Поездка в удобном «мерседесовском» автобусе по залитому солнцем городу. Пальмы. Современные здания типа нью-йоркских небоскребов вперемежку с полутрущобным панельным жильем, где на балконах в бесстыжем эксгибиционизме трепещет на ветру разноцветное белье. Настоящие трущобы я увижу потом, на этой трассе их нет или пока еще нет, — лишь эти вот умильные застройки, напоминающие хрущевки, а на их фоне, вдалеке, серые стальные башни Пуэрто-Мадеро, нового бизнес-центра Буэнос-Айреса, выстроенного на инвестиции транснациональных мегакорпораций и банков. Предчувствие чего-то нового. Как же хорошо жить, когда не имеешь ни малейшего представления, что случится всего лишь через час!

* Добро пожаловать (исп.).

А через час меня уже отчитывал Карлос, который организовал эту поездку для своего мини-гарема — пяти учениц танго из Портленда, каждая из которых была уверена в эксклюзивности своих отношениях с маэстро, выходящих далеко за рамки «учитель — студентка». Провинность моя заключалась в том, что я не поменяла деньги, то есть не сделала так, как велел Учитель.

— Ну я же тебе сказал... и даже написал... два раза! — хриплым голосом занудствовал Карлос. Здесь, где все говорили на родном для него, костариканца, испанском, его акцент в английском стал еще более ощутим, до такой степени, что более длинные слова вообще переставали быть доступными для понимания. — Ну нельзя быть такой невнимательной! — «Невнимательной» я поняла скорее по контексту из-за неправильно поставленного им ударения.

— Ни один опытный путешественник не меняет деньги в аэропорту. Это всем известно. А я не вчера получила паспорт! Ничего, не беспокойся — у тебя не попрошу. Найду какую-нибудь гостиницу, там и поменяю, — парировала я, «опытная» путешественница, которая в первый раз после развода выехала из страны сама и привыкла раньше во всем полагаться на мужа.

Наступали выходные, и, по словам Карлоса, обменять доллары в городе было уже невозможно. Было обидно, что вместо ласки, которую я, конечно, ожидала после пылких электронных посланий со словами «скучаю», «жду» и всеми прочими, полагающимися в этих случаях, меня, уставшую и наполовину оглохшую после длинного перелета, в чем-то начинают упрекать. Похоже, не так-то сильно меня тут и ждали, не говоря уже о том, чтобы «скучать».

Роза и Анна-Мария, две знакомые по Портленду женщины, с которыми я ходила на уроки танго, слушали нашу

перебранку из-за неразменных мною долларов почти испуганно, не принимая ничью сторону. Клэр, пожилая дама с сильной тангозависимостью, невзирая на пенсионный возраст, смотрела на меня сочувственно, но не решалась заступиться перед зарвавшимся маэстро.

Карлос больше походил на армейского сержанта, чем на султана: он командовал отрывистым грубым голосом с хрипотцой горца и сильным акцентом испаноговорящего иммигранта. Впрочем, про акцент я уже говорила выше. Он прожил в США почти 20 лет, выучил английский, уже приехав в страну, освоил бухгалтерское дело и нашел работу по специальности в небольшой строительной компании. Для своей старенькой малограмотной мамы он олицетворял воплощение американской мечты. Мама жила в Сан-Хосе, куда он время от времени ездил ее навещать, привозя и представляя своих «невест» — пышногрудых американских блондинок, с которыми по разным причинам его дорога к матримонимальным отношениям заканчивалась раньше, чем мама начинала правильно произносить их имена и фамилии, рассказывая о будущей невестке соседкам. И хоть я не совсем американка и уж точно не пышногрудая, у меня с ним тоже сложились нематримонимальные отношения. Правда, до Сан-Хосе я так и не доехала, но активно восполняла свою неуклюжесть на танцполе сноровкой в спальне.

Сдерживая нахлынувшие слезы, чтобы не разрыдаться тут же перед всеми, я как можно более спокойно, как мне показалось, сказала «Fuck YOU!», к ужасу и изумлению участниц этой сцены, и получила идентичное послание от Карлоса в ответ.

— Я... — В этот драматический момент я обвела всех глазами и выдержала театральную паузу. — Я прекрасно обойдусь как без тебя, так и без аргентинских песо

в эти выходные. Вот увидишь! — И захлопнула за собой дверь выделенной мне комнаты.

Посидела на кровати; думала, Карлос сейчас придет извиняться. Но нет, никто мне в дверь не постучал.

Залезла в огромную ванну на львиных лапах и, глотая слезы пополам с ручьями новой по вкусу воды, приняла успокоительный душ. Стало немного легче. После душа, не разобрав вещи, не отдохнув, наскоро переоделась в летнее, вышла из комнаты, молча прошла по коридору и от души громыкнула входной дверью, подчеркнув этим звучным аккордом свою полную независимость от Карлоса и всей этой послушной ему портлендской бригады учениц-поклонниц-любовниц. В самом деле, зачем они мне здесь? Я же приехала покорять Буэнос-Айрес, а не кучковаться со своими. А Карлос... ну конечно, он пожалеет.

С этими вдохновляющими мыслями я ступила на раскаленную улицу незнакомого города без малейшего понятия, куда пойду. А также без какой-либо карты и без знания местного языка. Ну да... я ведь ехала к Карлосу, полагаясь во всем на него.